

“Почитают ее приворотною травою...”

О колдовских растительных атрибуатах

Н.А. КРИНИЧНАЯ,
доктор филологических наук

При упоминании о привораживании посредством волшебных трав всплывает в памяти картина М.В. Нестерова “За приворотным зельем” (1888 г.), написанная с полным знанием крестьянского быта и народных верований. На переднем плане девушка в старинном сарафане-костыче, в парчовой душегрее, на голову накинут шитый белый плат. Потупившись, сидит она на скамье возле вросшей в землю избушки. Вокруг цветение трав. “Героиня моей оперы-картины отличается глубоко симпатичной наружностью, – отмечал в одном из писем художник, – лицо ее носит, несмотря на молодые годы, отпечаток страданий. Она рыжая (в народе есть поверье, что если рыжая полюбит раз, то уже не разлюбит) (...) мне мою героиню жаль от души” (Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968). На втором плане выразительная фигура седобородого

колдуна. Распахнув “на пяту” дверь, блеснувшую кованым “секирным” замком, и согнувшись под притолокой, чтобы переступить через высокий порог, он пристально всматривается в лицо девушки из-под низко надвинутого колпака, догадываясь о цели ее прихода: к порогу ведуна струится тропинка, натоптанная многими ее предшественницами...

Приворотное зелье или приготовленный из него напиток – устойчивый атрибут колдовства в мировом фольклоре, в мировой литературе. Как наиболее яркий пример, ставший со временем знаком-символом, вспомним один из сюжетов европейского средневековья. Мать Изольды (Исольды) предназначает волшебный *любовный напиток* Изольде и Марку перед их брачной ночью. Но на корабле по ошибке его выпивают Тристан и Изольда. Их охватывает страсть, непреодолимая, неподвластная человеческой воле и разуму.

Аналогичные коллизии, где *приворотное зелье* или *любовный напиток* нередко выступают в роли едва ли не основного действующего лица, обнаруживаются и в русских мифологических рассказах, заговорах, поверьях. В них фигурируют свои тристаны и изольды, не уступающие европейским по силе накала страстей.

Неразделенная или угасшая любовь, разрушенная гармония в семейных отношениях – основные поводы для обращения одной из сторон к колдунам и знахарям, в чьей власти находится могущественная сила волшебных приворотных зелий. Вот как об этом повествует один из рассказчиков: «Призарила девка Савелья, да так призарила, что в ту же пору хоть камень на шею да в воду; и сватов подзасыпал он к отцу Анны, и сам-то плакался ей: “пойди да пойди за меня: тебе хуже на будет!” Нет: девка шутит, хохочет, а пути нет; и к знахаркам-то ходил, что в неделю пересватывают свадьбы, за присущими зельями» (Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. IV. Отд. VIII. Курсив мой. – Н.К.). Или же муж с женой “чё-то начали скандалить”, и дело едва не дошло до развода. Тогда Зина (так звали эту женщину) направилась к “знающему”, чтобы “наладить” – присушить к себе своего Митьку (Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. № 280). В другой бывальщине некая Мария Леонтьевна, красивая, богатая, но бездельница – потому муж “изменял и изменил”, не жил с ней – также не нашла иного выхода, как прибегнуть к чарам колдуна, по имени Евлентия Евламповича (Там же. № 281).

В народном представлении “знающий” человек может с помощью зелья (часто в сочетании с водой и огнем) моделировать любовные отношения. Программируя тот или иной их вариант, он подбирает соответствующие травы. Одна из таких ведуний и фигурирует в севернорусском заговоре-присушке. В диалектах она называется *вещица*, *вештица*, а приготовленное ею снадобье (в данном случае – *приворотное зелье*) – однокоренными словами *вещца*, *вешти*, *вештинье*: “В чистом

поле сидит баба сводница, у тоё у бабы у сводницы стоит печь кирпична, в той печё кирпичной стоит кунжан Литр; в том кунжане Литре всякая веща кипит-перекипает, горит-перегорает, сохнет и посыхает..." (Харитонов А. Из записок шенкурца (нравы, обычаи, поверья, суеверия) // Отечественные записки. 1847. Т. 54. № 9–10). Причем сила, заключенная в приворотном зелье, посредством вербальной магии проецируется на объект присушивания и ответное чувство оказывается предопределенным.

У колдуна или захаря травы припасены на любой случай. И советы, какими из них и каким образом следует воспользоваться, передаются в их среде из поколения в поколение. Об этом бытует множество рассказов и поверий. Так, согласно одному из них, парень, потерявший всякую надежду на ответное чувство со стороны пленившей его девушки, в отчаянии испытывает как последнее средство силу травы *одоления* (она отождествляется с водяными растениями из семейства кувшинковых, с белой кувшинкой *Nymphaea alba*, с желтой кубышкой – *Nuphar lutea* либо с растением из семейства молочайных *Euphorbiaceae* (Подробнее см.: Криничная Н.А. Травы-обереги: к семантике растительных образов // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1998). Отчасти дублируя действия самого колдуна, он парит зелье в горшке и дает пить непреклонной (Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов Шенкурского и Архангельского // Отечественные записки. 1848. Т. 58. № 5–6. Отд. VIII. Смесь; Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. V).

Но, пожалуй, наиболее действенным средством приворота служит *любка двулистная*, или *ночная фиалка* (*Platanthera bifolia*) из семейства орхидных (*Orchidaceae*). Вот почему это растение нередко называют *северной орхидеей*. В народе же она именуется *любка, ночница, люби меня, не покинь*. Обладает тонким, приятным запахом, усиливающимся к ночи и перед дождем. Благоухание ночной фиалки, по признанию Ф.И. Тютчева, наполняет душу "невыразимым чувством таинственности". Атмосферу некой загадочности, исходящей от запаха этого растения, передает и В. Солоухин: "Не от цветая пахнет любка сильнее всего, а в первые минуты цветения, когда в ночной темноте раскроет она каждый из своих фарфорово-белых цветочков (зеленоватых в лунном луче) и в неподвижном, облагороженном росой лесном воздухе возникает аромат особенный, какой-то нездешний, несвойственный нашим лесным полянам". В соответствии с народными верованиями именно это зелье применяется в любовных чарах. Его собирают "знающие" люди в ночь накануне Ивана Купалы.

Как следует из вятских материалов, травку любку заваривают – приготовляют любовный напиток и спаивают предмету привороживания со словами: "Как эта травка свои листочки любит, так чтоб и он меня любил" (Вятский фольклор: Заговорное искусство. Котельнич, 1994.

№ 254). Посредством приворотного зелья и магических слов, по поверьям, можно вызвать ответное чувство у “любых, по ком сохнешь”. Коллизия, не уступающая рассказам о древнеримском писателе и философе Апулее (около 124 г. н.э.), согласно которым, он, подав богатой красивой вдове Агнисе вместо воды любовный напиток, покорил ее сердце. Правда, будучи привлеченным к суду за колдовство и отрицая свою виновность в чародействе, он утверждал, что причина увлечения Агнисы – его красивая, приятная внешность, и был оправдан.

Такого же эффекта может достичь и тот, кому удастся добить корень травы *пересъяки*. Возможно, в самом названии этого растения заключена магия присушивания. На наш взгляд, это искаженное слово, образованное от глагола *пересякать*, что значит “иссохнуть”. Носящий при себе корень *пересъяки* становится совершенно неотразимым: его любят “женка и девка”. Чтобы завладеть сердцем красавицы, использовались и другие, более изощренные средства приворота. Вот один из них. В платье “любимой особе” да так, чтобы ей было и невдомек, нужно зашить ладанку, в которой содержится высушенный на полдневном солнце и истолченный в порошок *девясил* (*Inula*): по поверьям, он имеет девять волшебных сил (“девять сильных вещей”), что отражено в русском названии. Используемая для приворота трава должна быть сорвана накануне Иванова дня и смешана с “росным ладаном”, т.е. с пахучей смолкой дерева *стиракса* (*Stirax benzoin*). Перед тем как употребить этот растительный атрибут, имеющий, помимо прочих, тонизирующее свойство, парень должен был носить его у себя на теле девять дней, не снимая. Магическая сила растения, подкрепленная сверхъестественными свойствами пота, заключающего в себе часть жизненной силы самого человека, оказывалась спроецированной на предмет воздыханий. Такой же результат якобы достигался, если ладанка была незаметно подсунута в подушку привораживаемого.

Как повествуется в мифологических рассказах и поверьях, есть и иные средства приворота. Например, если за парня не отдают девушки или, наоборот, парень от нее “отбегает”, то дело для владеющего магической силой зелий поправимо. Стоит только положить корень травы *визил* (*вязиль*, *вязель*) под порог или “под воротню”, как жених пойдет и невесту с собой возьмет. Если же он попытается уйти без невесты, то не сможет выехать со двора (Самолечение простого народа по травникам // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 43). “Вязелем” в народе именуется несколько трав. Их же называют и “горошком”. Действительно, в основном это растения из семейства *бобовых* (*Leguminosae*): например, *люцерна* (*Medicago sativa*), *чина* (*Lathyrus*), разного рода *горошик* (*Vicia*). “Вязелем” в народе называются и некоторые растения из семейства *розоцветных* (*Rosaceae*), и прежде всего *лапчатка*, *калган* (*Potentilla*). По-видимому, вяжущие свойства некоторых из “вязилей” (например, калгана), равно как и сильный приятный

запах (например, чины, душистого горошка), играют в любовной магии не последнюю роль. По законам приворота, они призваны привязать, привлечь друг к другу привороженного к привораживающей или наоборот.

Правда, в некоторых случаях оказывается неважным, какое из растений используется для присушки. Так, девушка, вырвав клок травы (“все равно какой”) “из-под правой ноги, из-под пятки” парня, чью любовь к себе она хотела бы вызвать, кладет его под матицу – потолочную балку, приговаривая слова заговора-присушки: “Как трава сия будет сохнуть во веки веков, так чтоб и он, раб Божий (имярек), по мне, рабе Божией (имярек), сохнул душой и телом и тридесятью суставами” (Нижегородские заговоры / Сост., вступ. статья и comment. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997. № 172). Однако в этом случае вырванный из-под пятки клок травы приравнивается по своей семантике к выниманию следа. Именно в этом плане и осмыслиается исполняемый обряд присушивания, основанный на гомеопатической, или имитативной, магии.

У южных славян роль магии цветов, сочетающейся с магией вынимания следа, проявляется более определенно. Девушка берет землю из-под следов своего возлюбленного и наполняет ею цветочный горшок. Она сажает в него *бархатцы* – цветы, которые не увядают. Любовная магия и в данном случае основана на подобии – на преднамеренной имитации искомого результата: как растут, цветут и не увядают эти золотистые цветы, так будет неувядающей и любовь ее милого (Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980).

Кроме того, в арсенале ведунов-зелейников есть множество трав, которые применяются для восстановления гармонии семейных отношений. Если, случается, между мужем и женой нет согласия, кто-либо из ссорящихся должен нарвать цветков травы *царевы*, или *царские очи*, и принести их в дом: “сварливая и вздорная хозяйка мгновенно сделается доброю и пословною” или же между ними водворится тишина и спокойствие (Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья крестьян..; Ляметри П. Некоторые черты из крестьянского быта в Мещовском уезде // Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 5–6). Кстати, траву *царские очи* как раз и имел в виду Н.Я. Озерецковский, когда писал: “(...) некоторые невежды, слывущие ворожеями, почитают ее приворотною травою и обманывают ею влюбленных слепцов” (Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. 2-е изд. Петрозаводск, 1989). На практике это волшебное растение нередко соотносится с *росянкой круголистной* (*Drosera rotundifolia*).

Иногда в зависимости от цели использовалась та или иная часть приворотного растения. О мифической траве *сингариме*, которую “знающие” люди даже не пытаются соотнести с каким-либо реальным растением, рассказывают: у той травы корень-человек. Если из него вынуть

сердце и дать тому, чьей любви добиваешься, привороженный “изгаснет по тебе”. Если же у этого корня-человека взять голову и поставить ее перед разлюбившим мужем – он полюбит свою жену пуще прежнего. Десную (правую) же его руку, истерши мизинцем, дают пить тому из супругов, кто был не верен, – согласие восстановится (Буслаев Ф. О народной поэзии в древнерусской литературе. М., 1859).

Голова, сердце, рука – вместилища жизненной силы, поэтому они осмысляются как некие действенные мифические существа. Однако чаще в таких случаях используются растения одного вида, но с разными по цвету и половой принадлежности корнями: “Буде муж жены не любит – дай мужу черного [вариант: серого. – Н.К.], а ежели жена мужа не любит – дай жене белого (кореня) – и станут друг друга любить [трава *кукуй*, или *кокуй*]” (Самолечение простого народа по травникам).

Если предположить, что наименование данной травы является тождественным таким народным названиям растений, как *кокушка*, *кокушник* (кстати, в Орловской губ. его отвар считают любовным напитком), *кукушка*, *кукушкины слезки* и пр., то в круг предполагаемых оригиналов попадут самые разные растения, и в первую очередь принадлежащие к обширному семейству орхидных. В их ряду, в частности, и трава, известная в народе под названием *кукушкины слезки* (*Orchis maculata*). Иные ее названия: *корешки*, *два корешка*, *кукушка*, *любим корень*, *сердечник* и т.д. Это растение снабжено корневищем в виде приплюснутых клубеньков. Именно такой корень крестьянки носят с собой в качестве приворотного средства в случае раздора с мужьями. Аналогичное воздействие оказывает и корень некой иной травы: “Когда муж жены не любит, и дай ему жёночку съесть, и будет любить, а ежели жена не любит мужа, дай ей мужичка [корень. – Н.К.] съесть, будет любить [трава *копус*]” (Там же). Одна из попыток восстановить подобным способом семейное счастье была зафиксирована документально.

По свидетельству очевидцев, в 1635 году мастерица по вышиванию золотом Антонида Чашникова, сидя за работой в дворцовой палате, нечаянно выронила из кармана *корень неведомо какой*. Обладательницу этого корня заподозрили в колдовстве и по приказу самого царя Михаила Федоровича пытали. Выяснилось, что обнаруженное зелье известно в среде ведунов под названием *обратим* (*оборотим*) – от слова *обрат*. В этом названии заключены мифологические представления о магических свойствах некоего растения возвращать утраченное, дать ему обратный ход. Действительно, по народным верованиям, такое зелье “располагает мужа к жене любовью”. Этим свойством растения несчастная и хотела воспользоваться в надежде, что муж, подобрев, перестанет ее бить. Тем не менее и сама А. Чашникова, и женщина (“ведомая ведунья”), давшая ей *обратим*, были подвергнуты опале за колдовство и сосланы в разные стороны, правда, вместе с мужьями.

Аналогичный случай отмечен и позднее, уже в XVIII веке. Жена князя А.В. Долгорукого, пытаясь возвратить привязанность своего мужа, добыла у знахарей “приворотный корень” и “наговор”. Услышав об этом, князь А.В. Долгорукий счел необходимым обратиться в грозный Преображенский приказ с жалобой на жену. Использование волшебных корешков считалось в то время достаточно веским предлогом для обвинения и розыска (Забелин И.Е. Сыскные дела о ворожеях и колдуньях при царе Михаиле Федоровиче // Комета: УченоЛитературный альманах. М., 1851; Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды В. Михневича. Киев, 1895).

В применении зелья, как следует из мифологических рассказов, возможны трагические ошибки, когда оно оказывает воздействие не на того, кому было предназначено, а на того, кто случайно оказался рядом и вкусили приворотного снадобья. Именно такая коллизия и присутствует в бывальщине. Уже упомянутый колдун Вася Сучок, по просьбе Зины, “изладил” на чай или на суп приворот, чтобы вернуть к ней любовь Митьки. Однако, догадываясь о колдовстве, Митька отказывался есть поданную ему пищу. Тогда Зина попросила его друга пообедать за компанию с ее мужем. В результате присушили не Митьку, а его друга: “Ну вот, этот дядя Вася ходит, ладит. Кушаем вместе. Я раньше эту Зину как и не замечал, а тут! (...) и вот всё подумкиваю это, всё она это передо мной как (...) в глазах эта Зина” (Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. № 280). Вспыхивает греховная, плотская, непреодолимая страсть. И модель, маркированная именами Тристана и Изольды, реализуется на новой почве очередной версией. Правда, в отличие от Тристана, крестьянский парень обращается к колдуну и возвращает ситуацию к исходному положению с помощью отворота: «Вот так и так, мол, вы Митьку присушили, а присушили меня. – “Ну ладно. С завтрашнего дня не будет этого”» (Там же).

Однако описываются и случаи, когда власть ведуна-зелейника оказывается бессильной над человеческим чувством. Правда, у “знающе-го” всегда найдутся уловки для оправдания: “Ты не так сделал, как должно было сделать, утратил то или другое; если же ты и в точности выполнил наказ мой, то, верно, кроме той, у тебя на уме бродит еще какая-нибудь девка” (Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда).

Вопрос о том, насколько реальна привораживающая сила растений, недавно обсуждался ботаниками. Выяснилось, что травы, используемые в гомеопатической, или имитативной, магии по принципу: как пристанет колючка или пух определенного растения, так бы и избранник (избранница) пристал(-а) ко мне – на самом деле не оказывают ожидаемого воздействия на человека. Имеются в виду травы: *лопух, череда, репешок, подмаренник, гравилат*, причем последний в “травниках” называется *любимник, любим-трава, любь*. Их роль как присущного зе-

лья не выходит за рамки мифологии. Другое дело, когда речь идет о растениях – стимулянтах, тонизирующих деятельность человеческого организма или воздействующих на него подобно алкоголю. То же можно сказать в отношении растений-гипнотиков, повышающих восприимчивость человека к внушению и самовнушению. Однако наибольшее применение, и особенно при составлении любовных напитков, в старины получили растения-афродизиаки (от греческого *afrodisiatikos* – возбуждающий любовную страсть). В числе таких растений и различные дикие орхидеи – *любка*, *ятрышник*, уже нами упоминавшиеся. Среди этих трав есть возбуждающие нервную и мышечную систему или, наоборот, снимающие излишнюю скованность и напряженность.

Немаловажную роль в любовной магии играют и чарующие ароматы. Они исходят от эфирных масел и смол, содержащихся в приворотных зельях, и оказывают влияние через органы обоняния на привораживаемых. Посредством любовного аромата можно возбудить и усилить эротическое чувство (Головкин Б. Любовный напиток, или Кое-что о приворотных травах // Флора. 1998. № 2; Он же. Любовный аромат, или Еще раз о приворотных травах // Флора. 1998. № 3).

Средства же, используемые для отворота, в мифологических рассказах фигурируют гораздо реже. Они скорее характерны для лирики, повествующей об утраченной либо находящейся под угрозой любви:

Ягодиночкина мать
Ходила по полю гулять.
Она искала *той травы*,
Чтобы расстались с милым мы [курсив мой. – Н.К.].

(Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З.И. Власова, А.А. Горелов. М.–Л., 1965. № 771).

Петрозаводск